

Эльга ЛЫНДИНА

Французские критики называют Аньес Варда "метеором, ворвавшимся на французский кинематографический небосклон". Она была талантливым фотографом в знаменитом Театре наций, кстати, много раз снимала там своего друга Жерара Филипа. И там же решилась уйти в кино, сделать первый фильм, сразу же удостоенный нескольких серьезных наград. С тех пор Аньес Варда неустанно трудится в кинематографе, создавая такие картины, как "Клео от пяти до семи", "Счастье", "Без крова и вне закона", вошедшие в золотой фонд мирового кино.

На XIX Московском международном кинофестивале был показан ее новый фильм "Сто и одна ночь", посвященный столетнему юбилею кино, и вызвал огромный интерес. Решенный необычно, собравший букет кинозвезд, он заставляет смеяться, вспоминать, испытывать ностальгию по ушедшим шедеврам. И надеяться... Темпераментная, как и ее картины, живая, общительная мадам Аньес Варда согласилась ответить на наши вопросы.

— Мадам Варда, вы одна из первых в мире уже сняли юбилейную ленту. Ее вымышленный сюжет вообрал в себя фрагменты многих прославленных фильмов, предлагая как бы экскурс в слав-

ное прошлое. Ее герой Месье Синема, с которым общаются реальные люди, — фигура комическая, удивительная и притягательная. Что подвигнуло вас решить праздничную ленту в таком неординарном варианте?

— Поначалу организаторы предстоящих торжеств по случаю столетия кино предложили мне снять документальный фильм, состоящий из монтажных кусков и комментариев к ним. О нет, решила я сразу же. Моя картина — это художественная игра! Верите ли, ее сюжет мгновенно пришел мне в голову почти таким, каким и реализован на экране. Самое любопытное, что в тот момент мне совсем не хотелось снимать. Я писала книгу, была ею увлечена, но режиссерское начало взяло верх, и я включилась в новую работу. Одним из тех, кто предложил мне съемки, был Мишель Пикколи. Он и сыграл в нашей картине Месье Синема.

— Столетнего старца, к которому вы отнеслись с огромной нежностью.

— Я обожаю стариков. Они слабы и прелестны, с возрастом они как бы возвращаются в детство, не теряя обретенного опыта. Моя мать еще жива, она в чем-то подсказала мне образ главного героя. Он стар, он все путает, и ему хочется видеть рядом с собой человека, который поможет ему вернуть память. Кто этот человек? Молодая красивая женщина: старые мужчины любят молодых женщин! Парт-

нершей Пикколи и компаньонкой Месье Синема стала очаровательная Камилла, актриса Жюли Гайо. Камилла — начинающий киновед, историк кино. Плохая память старика и подсказки Камиллы помогли развернуть панораму с фрагментами многих известных картин. Камилла постепенно адаптируется и в вымышленном мире Месье Синема, и в мире суперзвезд экрана. Она находит себя. Она ведет нас по прошлому кинематографа, но эта картина не научное исследование! Я повторяю — это игра! Шутка...

— Вероятно, отсюда и ярко комедийное начало фильма?

— Конечно. Кино — народное искусство. Зрители, забавляясь приключениями героя и героини, будут смеяться, а участие суперзвезд — тоже прекрасный манок, актеры всегда желанны на экране. Словом, я как бы подмигиваю зрителю.

— Созвездие у вас в картине действительно потрясающее — Марчелло Мastroianni, Жанна Моро, Ален Делон, Жан-Поль Бельмондо, Харрисон Форд, Роберт Де Ниро, Ханна Шигулла, Джина Лоллобриджида — всех не перечислить. Вы приглашали "звезд", руководствуясь вашими личными дружескими пристрастиями? Или хотели максимально заполнить ленту блистательным ансамблем?

— И то, и другое. Многие из них — мои друзья, с которыми я работала. И это люди, которых знает весь мир.

— Актеры такого ранга не могут не влиять на режиссера, на фильм. Изменялась ли картина в процессе работы в связи с их участием? Тем более они играют самих себя?

— В какой-то мере вы уже сами ответили на свой вопрос. Мои актеры были абсолютно свободны. Но, повторяю, это мои друзья, и наши позиции совпадали.

— Тенденция снимать знаменитых актеров в их реальном облике усиливается в мировом кино. Может быть, это стремление к максимальной правде экранной жизни?

— В нашей картине — несомненно. Встреча с подлинным Де Ниро или Жанной Моро, возможность слышать их мысли, видеть их как бы без грима очень существенна для фильма о юбилее кино.

— Верно ли мое наблюдение, что цитаты в картине относятся не только к прямому использованию фрагментов, но и к своеобразным вариациям на тему классики. В частности, мне показался таким эпизод с коровой, забравшейся на постель Месье Синема. Вероятно, это дань памяти "Золотому веку" Луиса Бунюэля?

— Вы правы. "Золотой век", снятый в 1930 году, такой важный, такой смешной фильм, такой антимонументальный. Там есть кадр с парой копыт на первом плане, помните? В память о великом режиссере я решила свой эпизод. Попросила привести корову и положить ее на кровать.

Для этого специально сделали железную кровать — корова была невероятно тяжелой. С трудом ее уложили, после чего она основательно испортила простыни в постели Месье Синема. Снимать животных очень тяжело, а снимать корову — просто невероятные усилия!

— А если бы вам пришлось заново делать эту картину, вы бы отказались от такого эпизода?

— Ни в коем случае. Я уверена, что после смерти Бунюэля хотел бы перевоплотиться в корову. Кстати, я пригласила озвучить эту "героиню" любимого актера Бунюэля Франсиско Рабала, и он имитирует голос великого режиссера. Это еще один момент игры, все той же шутки.

— Вы рискнули ввести в мир самых известных актеров и актрис неопытную Жюли Гайо. Как она чувствовала себя в этой компании?

— Вполне уютно. Я довольно долго искала исполнительницу роли Камиллы, мы смотрели претенденток во Франции, в Англии. Жюли показалась мне самой интересной. С пятнадцати лет она училась в театральных студиях Парижа и Лондона, занималась в цирковом училище, хорошо поет. Я заметила Жюли в фильме "Под открытым небом", где она играла циркачку родом из Польши.

— Эта картина шла у нас весной в рамках программы "Молодое французское кино". Партнером Жюли Гайо

там был Матье Деми. Они вместе играют и в вашем фильме. Давайте откроем читателям небольшой секрет: Матье Деми — ваш сын. Не мешало ли вам это в работе?

— Нисколько. На съемочной площадке Матье для меня только актер. В данном случае я была режиссером, работающим с молодым, способным артистом. Я абсолютно объективна в оценке. Жюли и Матье сумели не стесняться рядом с Марчелло Мastroianni или Жан-Полем Бельмондо. Мне же импонировала свежесть их взгляда.

— Художник по костюмам в фильме — ваша дочь Розали Варда. Так что "Сто и одна ночь" в некотором роде семейная картина?

— Позвольте несколько расширить смысл вашей фразы. Она семейная, потому что киногоруппа — вся — для меня, как семья, в которой все строится на полном доверии. Доверии к моим товарищам, к моим потенциальным зрителям. Думаю, потому мне удалось собрать такой ансамбль. Я обращалась с просьбой к "звездам" приехать посниматься один-два дня, вступив в игру с Месье Синема. Почти все согласились, хотя, конечно, кто-то невнятно мямлил, у кого-то действительно не было времени из-за другой работы. Но это единицы. В основном я встретила самый живой и активный отклик, так что отвечала тем же.

Я пригласила сняться Роберта Де Ниро, "великого Бо-

Культура. — 1995. — 23 сент. — С. 11

НОВОЙ ВОЛНЫ"

ба". Он прилетел на скоростном "Конкорде" вечером, а утром уже была съемка. Учтите, что перепад во времени между Америкой и Францией существен. Мы начали довольно рано, и Де Ниро работал так, будто эта разница во времени совершенно ему не мешала. Я спросила его, как это получается? Он ответил, что за неделю до приезда во Францию каждый день вставал в пять часов утра, чтобы у нас ощущать себя нормально. Может быть, это было кокетство перед мадам Денев, его партнершей? Не знаю... Но он был свеж и полон сил.

— Невероятно, благодаря такой атмосфере картина сложилась очень доброй, исполненной юмора. Однажды вы сказали, что счастье, каким вы его чувствуете, каким хотите показать на экране, о каком вы мечтаете для себя, — это веселый, открытый Дом. "Счастье — это свет", — говорили вы. С тех пор прошло больше тридцати лет. Вы немало пережили, потеряли мужа — известного режиссера Жака Деми, которого у нас знают и любят по фильмам "Шербурские зонтики" и "Девушки из Рошфора". Судя по новой картине, вам удалось сберечь жажду света?

— Если это так, то потому, что я всегда была свободна в определении самое себя.

— Для вас свобода — самое важное понятие?

— Самое важное и самое главное для меня понятие — милосердие.

— Когда вы отбирали фрагменты из фильмов-шедевров, вошедшие в вашу ленту, верили ли вы, что кинематограф способен воспитать или укрепить в людских душах милосердие?

— А иначе нет смысла снимать картины. Всегда надеюсь, что моя настроенность, моя внутренняя устремленность передадутся зрителю, заразят его. Таким образом мы соединяемся.

Я много раз бывала в России. Приезжала с Жаком более тридцати лет назад и позже попадала на свои премьеры. Я постоянно чувствовала и ценила открытого, очень эмоционального и доброжелательного вашего зрителя. К счастью, эти качества не исчезли, в чем я недавно убедилась. Музей кино в Москве организовал ретроспективу моих фильмов, всего их показали одиннадцать, что немало. Я ходила на просмотры и наблюдала, как их принимают. Реакция была прекрасная. Я уверена — меня поняли. Так же относились у вас и к картинам Жака Деми.

Единственное печальное исключение — история с показом моей картины "Жако из Нанта", посвященной памяти мужа, я сделала ее по его воспоминаниям. Конечно, она очень мне дорога. Но просмотр состоялся в тот вечер, когда был параллельно назначен официальный ужин для участников фестиваля. Через десять минут после начала картины зрители потекли из зала, пока вообще не исчезли. Мне

стало страшно больно: они не любят Жако, они не любят мою картину!.. Я плакала. Но позже поняла, что нельзя назначать на одно и то же время просмотр и ужин. Сначала пусть зрители хорошо поедят, а уж потом смотрят в свое удовольствие кино...

— Приятно, что вы так тепло говорите о наших зрителях. Они действительно ценят ваши картины, картины Жака Деми. Но вот в фильме "Сто и одна ночь" почему-то не нашлось места для русских и советских лент, для наших "звезд". А ведь мы богаты в этом плане. Впрочем, вы обошли и скандинавов, которые дали миру гениального Ингмара Бергмана.

— Если бы вы знали, как много из мной отобранного не вошло в картину при монтаже, мне самой страшно обидно... Я очень трепетно отношусь к моему кинематографу и его людям. Однажды мне довелось провести несколько дней с Ларисой Шепитько, и все это время мы говорили, говорили и не могли наговориться. Я очень полюбила красивую, умную, талантливую Ларису, так трагически и так преждевременно ушедшую из жизни. Я хорошо знаю Андрея Кончаловского, из его работ больше всего нравится "Первый учитель". Конечно, интересен Никита Михалков. Недавно в Париже прошла ретроспектива Отара Иоселиани. И, конечно, преклоняюсь перед гигантами советского кино — Сергеем Эйзенштейном, Всеволодом Пудовкиным, Михаилом Роммом.

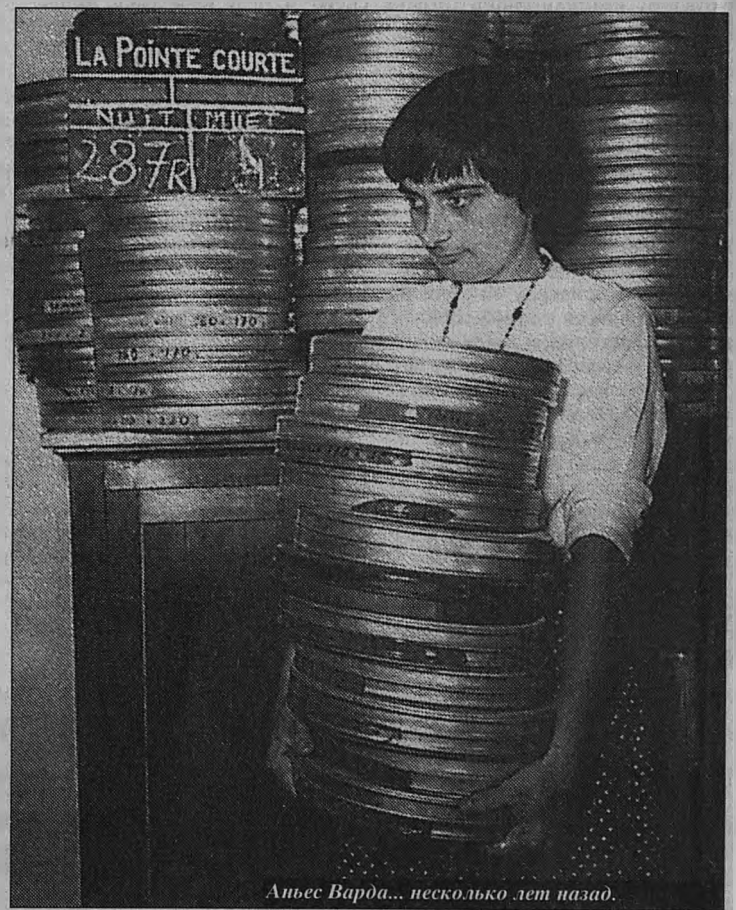
— Сорок один год назад вы дебютировали фильмом "Пуант Курт", где, кстати, снялся юный Филипп Нуаре, очень популярный у нас. Прошло столько лет... Заранее прошу прощения, если мой вопрос покажется некорректным. Верно ли, что во Франции Аньес Варду называют "бабушкой новой волны"?

— Да, верно, и очень хорошо, что они меня так называют! Однако не собираюсь достигать возраста героя моей послед-

ней картины — то есть ста лет! Это слишком долго, я немного устала за прошедшие годы. Но продолжаю работать, сейчас монтирую еще один фильм о Жаке — "Мир Жака Деми". Потом, возможно, придут новые идеи, будут новые фильмы, уже во втором столетии жизни кинематографа.

— И каким он видится вам?

— Когда ты сам участвуешь в процессе, трудно предугадать эволюцию. Просто верю, что кино будет жить.

Аньес Варда... несколько лет назад.